

Величко А.К.

**ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МЕТАФОРА СВОБОДЫ В МЕНТАЛЬНОМ КОДЕ
ПОКОЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ[©]**

*Волгоградский музей изобразительных искусств им. И.И. Машкова,
Россия, Волгоград, annaboikoo@mail.ru*

Аннотация. В статье ставится цель рассмотреть стремление к путешествию как часть ментальной характеристики поколения советских шестидесятников. Путешествие в культуре советского общества 1960-х годов выступает метафорой свободы. В основу исследования в первую очередь положен анализ элементов художественной культуры (изобразительного искусства и кинематографа) как наиболее ярко репрезентирующих образно-онтологическую модель шестидесятников. Предпринимается попытка определить роль путешествия в ментальном коде исследуемого поколения, делаются выводы о том, что путешествия для шестидесятника стали не только одной из метафор свободного поиска новых знаний, переживаний, озарений и ценностей, но и способом преодолеть рамки «тотальной советской повседневности».

Ключевые слова: шестидесятники; путешествие; советская культура; ментальность; ментальный код; отечественная культура; повседневность.

Поступила: 21.08.2024

Принята к печати: 01.10.2024

Velichko A.K.

**Travel as a metaphor of freedom in the mental code
of the 1960s Soviet generation[©]**

*The Mashkov Volgograd Museum of Fine Arts,
Russia, Volgograd, annaboikoo@mail.ru*

Abstract. The purpose of article is to examine the desire to travel as part of the mental characteristic of the 1960s Soviet generation. For the Soviet society of the 1960s travel acts as a metaphor of freedom in culture. The study is primarily based on the analysis of the elements of art culture (fine arts and cinema), which most vividly represent the image-ontological model of the sixties. The study is conducted to determine the role of travel in the mental code of the 1960s generation. The author concludes that travel became not only one of the metaphors of the free search for new knowledge, experiences, insights and values to the 1960s generation, but also became a way to overcome the framework of the “total Soviet everyday life”.

Keywords: 1960s; traveling; Soviet culture; mentality; mental code; domestic culture; everyday life.

Received: 21.08.2024

Accepted: 01.10.2024

Введение

Для отечественной культуры 60-е годы прошлого века стали периодом утверждения в общественном сознании гуманистических идеалов, временем материального прогресса, эпохой надежд и дискуссий, во многом иллюзий, но прежде всего временем первой легальной попытки честного разговора советского человека с самим собой и «оттепели» после тяжелых испытаний предшествовавшего исторического периода. Оценивая события и процессы, происходившие в культурной жизни СССР в те годы, исследователи эпохи единодушны во мнении о «красцвете и подъеме», «золотом веке», уместившихся в десятилетии. Поколение советских шестидесятников сегодня во многом воспринимается как поколение последних советских романтиков и идеалистов, интеллектуалов, талантливых людей, оставивших заметный след в культуре XX в.

Шестидесятникам была во многом свойственна городская ментальность, движущей силой поколения выступила образованная творчески мыслящая интеллигенция. Историк М.Ф. Полянов в

своем исследовании исторических предпосылок перестройки затрагивает тему урбанизации, происходившей в СССР в 1960-е годы: «Доля городского населения в 1962 году перешагнула пятидесяти процентную планку <...> Советское общество вступило в качественно новую стадию – стадию городского развития <...> Урбанизация в Советском Союзе <...> отличалась высокими темпами, что наложило свой отпечаток на социокультурное содержание советских городских жителей» [Полынов, 2010, с. 226]. По оценке искусствоведа К.А. Светлякова, высвобождение новой социальной энергии стало возможным благодаря случившемуся в 1960-е годы «тектоническому разлому между традиционной аграрной и модернистской индустриальной культурой» [Светляков, 2017, с. 12]. Изменения в экономической, социальной, культурной и политической сферах повлияли на мировоззрение молодого поколения, родившегося примерно между 1925 и 1940 г. и вступившего в самостоятельную жизнь на рубеже 1950–1960-х годов. Шестидесятники были носителями идеологии перемен, ключевым понятием для определения мироощущения и ментальности этого поколения становится понятие «свобода». Здесь оговоримся, что свобода неизбежно будет порождать разнообразие и неоднородность в культуре.

«Атмосфера освобождения и ощущение чего-то неуловимого, что витало в воздухе» [там же] повлияли на гетерогенный, порой крайне противоречивый характер тех форм социокультурных практик, которые были выбраны шестидесятниками для закрепления в общественной жизни принципиально новых установок, ценностей, привычек и вкусов. Так рождается одна из основных дихотомий десятилетия – «повседневность – выход за рамки обыденности (уникальный опыт)». С одной стороны, в художественной культуре, в общепринятом понимании, произошла «реабилитация повседневности, освобожденной не только от строгих предписаний, но и от тотальной однородности» [Бобриков, 2003]. В поэзии, кинематографе, изобразительном искусстве возрождались лирические интонации, темы простых человеческих радостей, тихого, семейного, непарадного мира советского «бидермайера». В публицистику, литературу и на театральную сцену вернулись художественные тексты, поэтически реабилитирующие обыденность [там же]. Для советского послевоенного общества установка на искренность и интерес к «правде жизни» были закономерным явлением. Народ-победитель стал концентрировать силы на мирном созидании, смог, наконец, существовать без войн, репрессий и потрясений,

отсюда – эстетизация повседневно-бытовых мотивов, отказ от монументальной величественности, появление лирической мифологии [Боровский, 2017, с. 35].

С другой стороны, шестидесятнику будто тесно в мире знакомого, привычного и повседневного, ему необходим выход за рамки обыденности, генерируемая поколением образно-онтологическая модель подразумевала создание вокруг себя иного пространства, не похожего на старое. Эту логику поддерживает знаменитая парадигма Владимира Паперного, согласно которой культура, сменившая статичную, затвердевшую сталинскую «культуру два», определяла пространство как непрерывно расширяющееся, растекающееся, требующее освоения. Конечно, речь идет не только о строительстве и архитектурных проектах, хотя отметим заслуги шестидесятников и в этой области [Паперный, 2006, с. 41–72].

Так, мы снова возвращаемся к проблематике внутренней свободы шестидесятника, на которой базировалось любое «движение» и расширение границ изведанного и без которого были бы невозможны научно-технический прогресс, освоение космоса, целинных земель и крайнего Севера, появление новых районов на окраинах городов, массовое жилищное строительство, творческие и туристические поездки по Советскому Союзу и за рубеж. Путешествие в этой связи, как и ряд других острых нетривиальных переживаний, видится нам своеобразной метафорой свободы в менタルном коде шестидесятников.

Преломление темы путешествия в визуальной культуре 1960-х годов

Если рассматривать путешествие «как нечто исключительное, выходящее за рамки привычно-каждодневного», а значит, противоположное «миру повседневной культуры» [Шипулина, 2007, с. 79], то главной ценностью для путешественника становится процесс поиска свежих источников идей и впечатлений, новой информации, неизведанных ощущений, переживаний, опыта, энергии. Для шестидесятников обозначенные устремления были продиктованы необходимостью найти очищенную от искажений натуру, подлинные образцы «исключительно советского», новые современные смыслы. Яркие визуальные образы путешествий, буквально и метафорически прочитанные мотивы свободного перемещения человека

в пространстве появляются в 1960-е годы в кинематографе и изобразительном искусстве.

Особую роль в визуальной культуре поколения играл так называемый «суро́вый стиль» – направление в изобразительном искусстве, родоначальниками которого выступили в первую очередь выпускники Московского художественного института им. В.И. Сурикова, графики и живописцы. Художники Виктор Иванов, Павел Никонов, Гелий Коржев, Таир Салахов, Николай Андронов, Виктор Попков, Игорь Обросов, Петр Оссовский и др. объективно «взвыали к человеческой социальности на основе некой морали и права», были «новыми идеяными» творцами [Боровский, 2017, с. 36], боровшимися за правдивый рассказ о действительности, отказ от лакировок и украшательства в вопросах коллективной памяти и идеологии. Творческие искания «суровых» подразумевали путешествия по Советскому Союзу и даже выезд за границу в составе туристических групп – все ради изображения новой «правдивой» картины жизни. Обновление художественного языка происходило на фоне постоянных поездок и перемещений: натурные впечатления от посещения больших комсомольских строек, сибирской тайги, целины, полярных станций, северных деревень естественным образом проникали в создаваемую художниками реальность. Тяга к путешествиям была синонимична ценностным установкам поколения. «Человек “сурового стиля” пребывал в состоянии романтического противостояния, борьбы с внешними обстоятельствами, сопротивляющейся, враждебной природой, с собственными слабостями. Внимание художников часто привлекали люди экстремальных профессий, чьи образы позволяли раскрыть этот конфликт особенно ярко», – довольно точно описывает ментальность «суровых» живописцев искусствовед Л.В. Шакирова [Большая картина ..., 2006, с. 276].

Интересно, что в кинематографе уже в середине 1950-х годов также зарождался романтический культ представителей новомодных нетривиальных профессий: геологов, целинников, строителей-монтажников. Особого внимания в этом контексте заслуживают сюжетные линии и персонажи кинолент «Вертикаль» Станислава Говорухина и Бориса Дурова, «Короткие встречи» Кирры Муратовой, «Зной» Ларисы Шепитько, «Звонят, откройте дверь» Александра Митты, «Я шагаю по Москве» Георгия Данелия.

Появление романтического героя нового типа свидетельствует об относительном балансе индивидуального и общественного

сознания в культуре 1960-х годов. Новые протагонисты, хоть и показаны самостоятельными фигурами, мыслятся авторами произведений все же как часть коллектива, представители определенной профессии, своего поколения. Эта интенция рождает в визуальной культуре обобщенный «портрет современника». Как верно сформулировал искусствовед К.А. Светляков, «советская культура категорически отвергала эгоцентризм ради коллектива, при этом коллективность была необходимым условием для формирования личности советского человека» [Светляков, 2017, с. 16].

Таким образом, в 1960-е годы образ покорителя пространства, путешественника, суворого романтика замещает в советской культуре образ «лакированного» героя социалистического труда, выражает стремление шестидесятника расширить свои знания о человеке и мире, уйти от культа личности единственной персоны (вождя) к признанию личностной ценности множества выдающихся людей своего поколения.

Туризм: выход за рамки «тотальной повседневности»

Данные, собранные исследователем советского общества Л.Г. Иониным в сборнике статей и эссе «Свобода в СССР», дают понять, что для человека, жившего в СССР, «были вполне доступны различные и более-менее отдаленные от повседневности сферы, такие как наслаждение природой и альпинизмом, путешествиями и спортивным туризмом, научное творчество и культурные переживания... <...> Именно они создавали ощущение полноты жизни и свободы выхода за пределы повседневности советской эпохи» [Орлов, 2010, с. 181]. Однако, если в довоенные 1930-е годы так называемый «пролетарский» внутренний туризм считался одним из «специфических каналов вовлечения рабочего класса в осуществление задач первых пятилеток, демонстрации его “руководящей роли” в деле строительства социализма» [там же, с. 187], то с наступлением «хрущевской оттепели» «туристическая революция» затронула Советский Союз, и количество зарубежных поездок советских граждан показательно росло с каждым годом (в 1956 г. за границей побывали 561 тыс. советских граждан, в 1965 г. – уже 1 млн 200 тыс. человек) [цит. по: Чистиков, 2011, с. 167–177]. «Выездными» были чаще всего образцовые советские служащие и представители интеллигенции.

Главную роль в организации заграничных туристических поездок в советский период, безусловно, играло государство. В постановлении ЦК КПСС «Об организации поездок советских туристов за границу» от 3 января 1956 г. утверждалось, что «...советские туристы направляются за границу не только для отдыха, но и для ознакомления с жизнью других народов и достижениями зарубежной науки и техники» [цит. по: Чистиков, 2011, с. 167]. Практически все маршруты туристических групп планировались с учетом вышеназванного предписания. В них не случайно входило посещение иностранных фабрик, заводов, сельскохозяйственных кооперативных хозяйств и учреждений. Идеологический смысл носили экскурсии на «объекты, связанные с историей международного коммунистического движения: могилы К. Маркса в Лондоне, квартир-музеев В.И. Ленина в Париже и Тампере (Финляндия) и т.п.» [Орлов, 2017, с. 337]. Знакомство со странами Центральной и Восточной Европы сопровождалось посещением бывших нацистских концлагерей. Еще одним важным ритуалом заграничных поездок становилось возложение цветов к памятникам и мемориалам советским воинам.

С темой заграничного путешествия напрямую связан сюжет замечательной комедии Леонида Гайдая «Бриллиантовая рука», вышедшей на экраны в 1968 г. Показательны первые кадры киноленты: «большая группа советских туристов» отправляется в круиз на теплоходе «Михаил Светлов», чтобы «поглядеть мир». Практика подобных морских плаваний была возобновлена в 1956 г. Эти путешествия стали своеобразным «парадным фасадом» заграничных поездок советских граждан, где на каждого путешественника возлагалась «высокая миссия» «полномочного представительства» СССР за рубежом [там же, с. 335–337]. Несмотря на все издержки комедийного жанра, «Бриллиантовая рука» довольно выпукло и реалистично препрезентирует обязательства, делегированные советскому путешественнику (сцена с участием главного героя и управдома, где от вернувшегося из-за границы Семена Семеновича Горбункова требуют подготовить публичную лекцию о «городе контрастов»), демонстрирует собирательный образ «капиталистического» города, описывает условные требования к имиджевой составляющей благонадежного туриста, который «по правде говоря, не хотел ехать» и до этого за границей «никогда не был». Отметим также остроумную сцену попадания главных героев в «лабиринт» старого города во время самостоятельного осмотра Стамбула.

Иносказательный язык эксцентричной комедии будто бы изображает общую растерянность советского туриста, оставшегося в ситуации отсутствия за ним надзора со стороны сопровождающего группы (партийного, комсомольского или профсоюзного руководителя), не говоря уже о преамбуле сюжета – попадании ничего не подозревающего главного героя в руки зарубежных контрабандистов (непредвиденная опасность посещения заграницы).

И тем не менее благодаря относительной либерализации в области туризма, поиску новых «форм дипломатии эпохи холодной войны» [Орлов, 2017, с. 331] советские шестидесятники смогли своими глазами увидеть, что происходит за пределами их Родины. Значительная масса путешественников при этом вполне искренне разделяла убеждения о превосходстве советского образа жизни над западным, не подвергала сомнению тезис о предстоящем международном коммунизме. Здесь мы не можем не упомянуть феномен революции на Кубе. Парадоксальным образом пересекаются в этой точке темы пространственных и временных путешествий. Кубинская революция стала метафорой Великой Октябрьской революции в сознании советского общества [Вайль, Генис, 2021, с. 68–73], утвердила многих граждан в мысли о том, что романтика революции – не далекое прошлое, а вполне осязаемое настоящее и, возможно, будущее.

В 1961 г. молодые художники Виктор Иванов и Петр Оссовский были командированы на «остров свободы», чтобы языком искусства выразить пафос большого исторического события. Важная деталь: поездка с формальной стороны была туристической, выезд организовывало Общество дружбы с народами зарубежных стран. Помимо Кубы живописцы побывали в Мексике и Кюрасао, но именно кубинская земля, «дышавшая мифами», ассоциировалась с мощным импульсом социального переворота [там же]. Благодаря этой поездке появилась совместная серия работ художников «Куба», состоящая из более чем 80 полотен. Она включала натюрмортные портреты Фиделя и Рауля Кастро, Эрнесто Че Гевары, рядовых «народных» революционеров, картины, изображающие вооруженную кубинскую молодежь и солнечные кубинские пейзажи [Куба ..., 1961]. Впоследствии серия имела успех на выставках в Москве, а в советских интерьерах появились тиражные портреты лидеров кубинской революции. Голос поколения, поэт Евгений Евтушенко также несколько раз путешествовал на Кубу. По результатам поездок он создал сборник стихов и поэму, ставшую сценарной основой фильма Михаила Калатозова «Я – Куба». Революционные со-

бытия другого континента в начале 1960-х годов, воспринимались как очередное подтверждение грядущего пожара мировой революции. Однако к концу десятилетия революционный запал угас.

Возможность совершать зарубежные путешествия значительно расширила границы «познанного» поколением шестидесятников, сущностно наполнила идею «инаковости» заграницы в общественном сознании. Благодаря относительной легализации путешествий происходило знакомство советских граждан с иными культурами и народами, с не похожим на советский образом жизни, усложнялись представления о культуре потребления в капиталистических странах,ширился спектр международных контактов. Советские путешественники впервые за долгое время (после 1931 г. четверть века зарубежного туризма в СССР не было) [Орлов, 2017, с. 332] смогли открыть для себя чужеземный внешний мир путем туристической деятельности, перевести «неизвестное, страшашее» пространство за пределами Родины в категорию «познанного, изученного, известного».

Заключение

Вышеназванные процессы, явления и события повлияли на формирование особого типа ментальности поколения шестидесятников, на выделение в их ментальном коде стремления к движению, путешествиям. Поэт-шестидесятник Булат Окуджава в одном из своих поздних интервью на вопрос о том, каким ему видится его поколение, ответил: «Мы – дети своего времени, и судить нас надо по его законам и меркам. Большинство из нас не было революционерами, не собиралось коммунистический режим уничтожать. Я, например, даже подумать не мог, что это возможно. Задача была очеловечить его» [цит. по: Беляева, 2015, с. 68]. Установка на «очеловечивание» стала важной характеристикой ментального склада «детей ХХ съезда», отсюда присущие поколению качества: готовность помочь товарищу, прямолинейность, вера в прогресс, открытость миру, активная жизненная позиция и свободолюбие.

Согласно концепции А.Я. Гуревича ментальность можно определить как «коллективные социопсихологические установки, привычки сознания, способы видения мира, представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности» [Гуревич, 1989, с. 75]. В ментальном коде шестидесятника одна из важнейших социопсихологических детерминант – его внутренняя

свобода, понимаемая поколением, скорее, не в политическом, а социальном смысле. Свобода как независимость, многогранность, чрезвычайная социальная активность и постоянно расширяющийся творческий диапазон. Созданная шестидесятниками культура, прогрессивная по своей природе, несет в себе разнообразие, стремление к модернизации и просвещению, в том числе благодаря открывшимся возможностям в сфере пространственных перемещений советского человека по миру. Путешествия стали одной из метафор свободного поиска новых мыслей, познания, переживаний и озарений. Но в то же время и вполне конкретным способом действия для преодоления «тотальной советской повседневности».

Список литературы

- Беляева К.С. Феномен россиян-«шестидесятников»: попытка идентификации // Вестник МГУКИ. – 2015. – № 3(65). – С. 65–71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-rossiyan-shestidesyatnikov-popytka-identifikatsii>
- Бобриков А.А. Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. – 2003. – № 51–52. – URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/57/article/1137>
- Большая картина / Гос. Русский музей / авт. ст. Г. Голдовский и др. / ред. А. Лакс. – Санкт-Петербург : Palace Editions, 2006. – Вып. 129. – 303 с.
- Боровский А.Д. Оттаивание породы // Оттепель / Гос. Третьяковская галерея. – Москва, 2017. – С. 20–42.
- Вайль П.Л., Генис А.А. 60-е. Мир советского человека. – Москва : Издательство ACT : Corpus, 2021. – 448 с.
- Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 1. – Москва, 1989. – С. 75–89. – URL: <http://ec-dejavu.ru/m/Mentalites.html>
- Куба. Альбом / ред. Е.И. Буторина. – Москва : Советский художник, 1961. – 68 с.
- Орлов И.Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления. – Москва : Изд. дом ВШЭ, 2010. – 317 с. + 8 с. ил. – URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/t5dqw3q41j/54925211.pdf>
- Орлов И.Б. Туристическая оттепель: советский выездной (зарубежный) туризм в 1955–1964 годах) // Оттепель / Гос. Третьяковская галерея. – Москва, 2017. – С. 331–337.
- Паперный В. Культура два. – Москва : Новое литературное обозрение, 2006. – 408 с.
- Полынов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР: вторая половина 1940 – первая половина 1980-х гг. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2010. – 303 с.
- Светляков К.А. Проблемы и конфликты Оттепели. Про кино и не только // Оттепель / Гос. Третьяковская галерея. – Москва, 2017. – С. 8–20.
- Чистиков А.Н. «Ладно ль за морем иль худо?»: впечатления советских людей о загранице в личных записях и выступлениях (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) // НИР. – 2011. – № 1. – С. 167–177.
- Шипулина Н.Б. Приключение и повседневность: дихотомия и соприсутствие в феномене путешествия // Мегалит. – 2007. – № 3. – С. 79–80.

References

- Belyaeva, K.S. (2015). Fenomen rossian-“shestidesyatnikov”: popytka identifikatsii [The phenomenon of Russians-“Sixties”: an attempt at identification]. *Vestnik MGUKI*, 3(65), 65–71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-rossiyan-shestidesyatnikov-popytka-identifikatsii>
- Bobrikov, A.A. (2003). Surovyj stil’: mobilizatsija i kulturnaya revoljutsija [Harsh Style: Mobilization and Cultural Revolution]. *Hudozhestvennyj zhurnal*, 51–52. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/57/article/1137>
- (2006). *Bolshaya kartina*. Gos. Russkij muzej; avt. st. G. Goldovskij i dr.; red. A. Laks. [“The Big picture”]. State Russian Museum; author of the art. G. Goldovsky et al.; ed. by A. Lax]. Issue 129. Saint Petersburg: Palace Editions.
- Borovskiy, A.D. (2017). Otaivanie porody [Thawing of the rock]. In *Ottepel / Gos. Tretyakov Gallery*, 20–42. Moscow: Gos. Tretyakov Gallery.
- Vajl, P.L., Genis, A.A. (2021). *60s. Mir sovetskogo cheloveka* [The 60s. The world of the Soviet man]. Moscow: Izdatel’stvo AST: Corpus.
- Gurevich, A.Y. (1989). Problema mental’nostej v sovremennoj istoriografii [The problem of mentalities in modern historiography]. In *Vseobshchaja istorija: Diskussii, novye podhody. Vyp. 1* [Universal history: Discussions, new approaches. Issue 1]. Moscow. URL: <http://ec-dejavu.ru/m/Mentalites.html>
- Kuba. Album* (1961). Moscow: Sovetskij hudozhnik.
- Orlov, I.B. (2010). *Sovetskaja povsednevnost: istoricheskie i sotsiologicheskie aspekty stanovlenija* [Soviet everyday life. Historical and sociological aspects of formation] Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/t5dqw3q41j/54925211.pdf>
- Orlov, I.B. (2017). Turisticheskaja ottepel: sovetskij vyezdnoj (zarubezhnyj turizm v 1955–1964 godah) [Tourist thaw: Soviet outbound (foreign tourism in 1955–1964)]. In *Ottepel / Gos. Tretyakov Gallery*, pp. 331–337. Moscow: Gos. Tretyakov Gallery.
- Papernyj, V. (2006). *Kul’tura dva* [Culture two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Polynov, M.F. (2010). *Istoricheskie predposyлki perestrojki v SSSR: vtoraja polovina 1940 – pervaja polovina 1980-h gg.* [Historical background of perestroika in the USSR: the second half of 1940 – the first half of the 1980s.]. Saint Petersburg: Aleteija.
- Svetljakov, K.A. (2017). Problemy i konflikty Ottepeli. Pro kino i ne tol’ko [Problems and conflicts of the Thaw. About movies and more]. In *Ottepel / Gos. Tretyakov Gallery*, pp. 8–20. Moscow: Gos. Tretjakov gallery.
- Chistikov, A.N. (2011). “Ladno l za morem il hudo?”: vpechatleniya sovetskikh ljudej o zagraniitse v lichnyh zapisyah i vystupleniyah (seredina 1950s – seredina 1960s) [“Is it okay across the sea or is it bad?”: impressions of Soviet people about abroad in personal recordings and performances (mid-1950s – mid-1960s)]. *NIR*, 1, 167–177.
- Shipulina, N.B. (2007). *Prikljuchenie i povsednevnost: dihotomija i soprisutstvie v fenomene puteshestvija* [Adventure and everyday life: dichotomy and co-presence in the phenomenon of travel]. *Megalit*, 3, 79–80.

Об авторе

Величко Анна Константиновна – заведующая экспозиционным отделом Волгоградского музея изобразительных искусств им. И.И. Машкова (ВМИИ), аспирантка кафедры философии и культурологии в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете, Россия, Волгоград, annaboikoo@mail.ru

About the author

Velichko Anna Konstantinovna – Head of the exposition Department of the Volgograd Museum of Fine Arts named after I.I. Mashkov (VMII), Post-Graduate Student of the Department of Philosophy and Cultural Studies at the Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia, Volgograd, annaboikoo@mail.ru